

Герцель Давыдов

АКИВА И РАХЕЛЬ

История великой любви

Герцель Давыдов Акива и Рахель. История великой любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17055308

Аннотация

Книга, представленная вниманию читателей, основана на истории высокой любви между раби Акивой и Рахель, описанной в Талмуде. Именно благодаря своей жене Акива сумел преодолеть путь от неграмотного пастуха до одного из величайших мудрецов в истории Иудеи.

В этом произведении рассказывается о родившемся в бедной семье и не получившем никакого образования в молодости Акиве. Он был простым пастухом и, перебираясь с места на место, везде выполнял тяжелую работу. Но однажды судьба преподнесла ему удивительный подарок, послав встречу с прекрасной девушкой. Молодая, образованная Рахель была единственной дочерью Кальбы Савуа, богатейшего человека Иерусалима. Эта встреча в корне изменила жизнь Акивы, который влюбился в девушку с первого взгляда. Понимая, что между ними большая разница в возрасте и, тем более, в социальном положении, он старался не думать о Рахель, но ничего не мог с собой поделать. Девушка, видя скромность и добродетельность пастуха, согласилась выйти за него замуж – при условии, что тот

начнет изучать премудрости Торы. Однако Кальба Савуа, отец Рахель, всячески противился их браку. Рахель же, прекрасно понимая, что будет сложно перевоспитать и обучить грамоте тридцатипятилетнего мужчину, тем не менее была настроена решительно. Кальба Савуа, узнав о решении дочери, выгнал ее из дома, лишив наследства.

Эта история, произошедшая около 2000 лет назад, на протяжении веков передавалась из поколения в поколение как эталон высоких отношений между мужчиной и женщиной. По мере развития сюжета в книге поднимаются важные вопросы о необходимости молитв, об иллюзорности мира, о том, что все в этом мире предрешено и случайностей не бывает, и так далее.

Глава 1

ИЕРУСАЛИМ! ИЕРУСАЛИМ!

Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть забудет меня десница моя.

Пусть прилипнет язык мой к нёбу моему, если не вспомню о тебе, если я не вознесу Иерусалим на вершину веселья моего.

Тэилим, 137:5-6

После падения Иерусалима в 3830* году, когда Второй Храм был сожжён,

мудрецы Иудеи всеми силами стремились сохранить ценности изучения

Торы. Часть из них выступали против иудейского восстания и счи-

тали, что возможность продолжать изучать Тору важнее, чем поли-

тическая независимость. Но решительно настроенные отдельные от-

ряды выступили против римской армии, и это привело к катастрофе.

Город был практически разрушен, а оставшиеся в живых жители ока-

зались в невероятно сложных условиях.

В городе стояла изнуряющая жара, несмотря на то что солн-

це уже совершало свой обратный путь и садилось за горизонтом. Обозревая окрестности Иерусалима, путник не соби-

рался останавливаться и хотел во что бы то ни стало по-
пасть

на рыночную площадь до темноты. Он долго блуждал меж-

ду узкими улочками, похожими друг на друга как две капли воды, пока, отчаявшись добраться до рынка к вечеру, не

* По иудейскому летоисчислению; 70 г. н. э.

решил укрыться в тени высокого дерева, чтобы переждать жару. Немного отдохнув в тени раскидистого дерева, муж-
чи-

на, разглядел неподалеку лавку торговца пряностями и устре-
мился к ней.

На скамье у входа в лавку сидел пожилой иудей в кипе.

– Мир тебе*, господин! – обратился к нему путник.

– Мир и тебе, – ответил седой иудей.

– Эта дорога приведет меня к рынку?

– Иди прямо и придешь на рынок.

Странник попросил разрешения постоять в тени и немно-
го

отдышаться. Торговец охотно позволил и предложил пут-

нику

воды. Незнакомец быстро осушил сосуд.

– Благодарю тебя, господин.

– В Иерусалиме в это время года всегда очень жарко, хочешь еще воды?

– Нет, я уже напился.

– У тебя усталый вид, ты идешь издалека? – поинтересовался хозяин лавки, приняв кувшин.

– Да, я проделал долгий путь.

– За многие годы я научился с первого взгляда определять,

кто есть кто. Увидев тебя, я сразу догадался, что ты не здеш-

ний житель. Кого ты ищешь в Иерусалиме?

– Я здесь никого не знаю и пришел в Иерусалим из Галилеи** в поисках заработка, – ответил мужчина. – Мое

имя

Акива бен Йосеф***, я происхожу из геров****.

– Я Шэтия, торгую пряностями в Иерусалиме вот уже 60 лет. – Старик с достоинством произнес свое имя.

* В иврите нет обращения на «вы» к одному человеку.

** Галилея – историческая область на севере Израиля.

*** Акива бен Йосеф – букв. «Акива сын Йосефа».

**** Гер – потомок нееврея, перешедшего в иудаизм.

– Не найдется ли у тебя какой-нибудь работы для меня?

— спросил Акива. — Ты пожилой человек, а я готов выполнять

любую, даже тяжелую работу за небольшую плату.

— Какая может быть работа у торговца в разграбленном и раз-

зоренном городе? Раньше дела шли хорошо, но теперь слава Б-гу,

если хватает денег купить еду и питье. Ты, наверное, голоден?

— Да, но у меня есть немного денег, и я куплю себе еду на рынке.

— Деньги тебе еще пригодятся, и рынок уже скоро закроется, а торговцы будут спешить домой. Если у тебя нет знакомых

в Иерусалиме, то отужинай со мной и моей женой Охели-

ей, нам будет приятно.

Акива удивился, он не ожидал такого гостеприимства.

— Я готов отработать свой ужин. Ты меня совсем не знаешь, и я думаю, это будет справедливо.

— Ничего отрабатывать не нужно, мы почтем за честь, если ты поделишь с нами трапезу.

— Чем почетно присутствие такого простого человека, как я, для вас, жителей Иерусалима? — еще более удивился Акива.

— Если ты поужинаешь в нашем доме, мы хоть в чем-то

смо-

жем уподобиться праотцу нашему Аврааму, который раз-
бил

свой шатер посреди пустыни и приглашал в свой дом пут-
ников.

Он не брал с них денег, все, что он просил, это чтобы они
проч-

ли благословение после еды и поблагодарили Единого Б-
га.

– Авраам ваш родственник?

– Авраам всем нам родственник, так как он является от-
цом

множества народов. Мы с женой всегда стараемся пригла-
шать

в свой дом гостей, следуя примеру праотца нашего Авра-
ама,

особенно по большим праздникам.

– Я никогда не слышал о нем, – признался Акива.

«Да, – покачав головой, подумал Шэтия, – встречаются
еще невежды в Иудее, которые не знают Авраама».

– Ну что ж, преломи с нами хлеб. Ты расскажешь о себе,
а я о Иерусалиме и Аврааме, – сказал вслух хозяин лавки.

Его жена отправилась в амбар за продуктами, чтобы при-
го-

товить еду на долю гостя. Мужчины вошли в дом, разу-

лись, и

хозяин дома предложил Акиве воды, чтобы он смог умыться

после долгого пути. Затем и сам Шэтия умылся, и они прошли

с Акивой к уже накрытому столу.

Гостя усадили около хозяина дома. Прежде чем приступить

к трапезе, Шэтия произнес благословение, и все принялись за

еду. Акива ел с большим аппетитом, но пытался сдерживать

себя, чтобы не показаться невоспитанным. Он уже съел боль-

шой кусок мяса, когда хозяин дома поинтересовался:

– Акива, чем ты раньше зарабатывал себе на жизнь?

– Зарабатывал чем придется: пас скот, колол дрова или собирал хворост в лесу, а затем продавал их на рынке. –

Акиве

пришлось оторваться от тарелки с вкусной пищей.

– Шэтия, позволь, пожалуйста, гостю спокойно доесть ужин, потом поговорите, – вмешалась жена хозяина.

Шэтия

прислушался к совету жены.

Тарелка Акивы быстро опустела, и когда хозяин предложил

добавки, он охотно согласился. Манеры Акивы смущали сто-

личных жителей, но гостеприимные хозяева пытались не по-

давать виду. По завершении трапезы Шэтия призвал Аки-
ву

вместе с ним прочесть благословение, но тот признался, что не

владеет грамотой и не умеет ни читать, ни писать, а про бла-

гословение после еды слышит впервые. Шэтии было странно

слышать это. Он один прочел благословение после еды, и хо-

зяйка дома принялась убирать со стола.

– Разве ты в детстве не ходил учиться грамоте, что не уме-
ешь в зрелом возрасте писать и читать? – вернулся Шэтия
к не дающему ему покоя вопросу.

– Я рано начал работать, и хотя мне уже тридцать пять лет,
у меня никогда не было ни денег, ни времени, чтобы
учить-

ся, – грустно произнес Акива.

– Да, Акива, нелегко тебе придется в Иерусалиме, таких
здесь называют ам-аарец*.

– В моем возрасте поздно что-либо менять.

– Священное Писание свидетельствует, что никогда ничего не поздно, запомни это. Ты сказал, что у тебя нет родственников-

ников в Иерусалиме.

– Да, я здесь никого не знаю.

– Сейчас уже поздно, оставайся у нас, а завтра с утра мы подумаем, что тебе делать и чем заняться в нашем городе.

Акива обычно просыпался чуть свет, но в этот раз проспал

до обеда. Палящие лучи августовского солнца наконец разбу-

дили его. За накрытым столом Акиву уже дожидались хозяе-

ва дома.

– Давно так не спал, ведь я обычно встаю с рассветом и ложусь спать поздно ночью, но, видимо, из-за долгого пути, кото-

рый мне пришлось вчера пройти, я проспал до позднего часа.

– Это хорошо, что ты выспался. Мы старались тебя не будить, так как силы тебе понадобятся.

В скором времени супруга господина Шэтии накрыла на стол и пригласила своего мужа и гостя завтракать. Жареные

лепешки, свежий козий сыр и ароматный кофе взбодрили Акиву. Он, как и накануне, ел с большим аппетитом, но

потом

вдруг резко остановился. Он подумал, что и так злоупотребля-

ет гостеприимством и если съест все, что стоит на столе, это

будет неправильно.

– Что случилось, Акива, почему ты не ешь? – обеспокоилась хозяйка.

* Ам-аарец – букв. «народ земли», так называли невежд и простолюдинов.

– Благодарю, я уже сыт, и мне нужно идти, я и так у вас задержался.

– Не спеши, поешь и попей хорошенько, силы тебе пригодят-

ся. Куда ты собираешься идти, Акива? – остановил его Шэтия.

– Пойду на рынок и поспрашиваю у торговцев, не требуются ли им работники. Мне очень нужна работа, чтобы купить

еду и оплатить ночлег.

– Возможно, Кальбе Савуа нужны работники.

– Кто такой Кальба Савуа?

– Кальба Савуа – один из трех самых богатых людей в Иерусалиме, – ответил хозяин. – Я раз в неделю отвожу пряности для его семьи, и мы уже много лет хорошие зна-

ко-

мые. Его дом всегда полон гостей, и за это он носит прозви-

ще Кальба Савуа*.

– Почему у него такое странное прозвище? – удивился Акива.

– Потому что, если даже собака входит в его дом голодной, она выходит оттуда сытой. Двери его дома всегда откры-

ты для гостей, и он тоже стремится походить в этом на праот-

ца нашего Авраама. – Шэтия немного помолчал и с грустью

добавил: – Но сейчас, после неудавшегося восстания, римля-

не обложили его высокими налогами.

– Он принимал участие в восстании? – удивился Акива.

– Он не только уважаемый и богатый человек, он верный сын своего отечества. Трое самых богатых иерусалимских жи-

телей помогали восставшим.

– Кто же другие двое?

– Накдимон бен Гурион и Бен Цицит Акесет. О богатстве этих людей складываются легенды. Они втроем могли бы про-

кормить весь Иерусалим.

* Кальба Савуа – букв. «сытая собака».

– Почему тогда римлянам удалось захватить Иерусалим и разрушить город?

– Узнав о приближении римской армии, Кальба Савуа,

Накдимон бен Гурион и Бен Цицит Акесет наполнили свои

склады продовольствием, которого в случае осады города должно было хватить на двадцать один год. Они были уверены,

что у римлян не хватит сил и продовольствия для долгой

осады и они отступят. Но некоторые жители Иудеи не желали

следовать этому плану и жаждали сразиться с римлянами лично

с лицом к лицу. Они подожгли склады в надежде на то, что, когда

в городе не останется еды и воды, не будет и возможности выйти

за город и тогда сограждане вместе с ними бросятся в бой. Чем

это закончилось, всем известно.

– Я почел бы за честь работать у столь уважаемого человека. Если он примет меня, я буду, господин Шэтия, тебе очень

благодарен.

– Не нужно мне никаких благодарностей, доедай свой завтрак, и мы отправимся к Кальбе Савуа – как раз сегодня по-

везу ему пряности, – произнес торговец и затем, будто разглядев в глазах Акивы вопрос, пояснил: – Евреи должны помогать друг другу и держаться вместе, особенно в столь

тяжелые для нашего народа дни.

Акива был очень взволнован: если удастся устроиться к этому богачу, то он получит хорошее жалованье, крышу над

головой и сможет пережить сложные времена.

Взвалив тяжелую сумку с пряностями на спину осла, они отправились в путь. Дорога, по которой они должны были идти, проходила мимо рынка.

– Если ничего не получится, я хочу вернуться сюда до захода солнца и поискать работу у торговцев. Может, кому-то

понадобится моя помощь, – сказал Акива.

Старик его остановил:

– На рынок ты всегда успеешь прийти и найдешь здесь разную работу, но если тебе удастся устроиться у Кальбы Савуа, это будет надежнее.

– Да, уважаемый Шэтия, ты прав. Мне уже за тридцать, и я хочу добрую работу, чтобы спокойно встретить старость, – согласился Акива.

Вдали, за городским рынком виднелись руины когда-то многочисленных строений и среди них одна-единственная со-

хранившаяся стена.

Шэтия, поймав взгляд спутника, брошенный на городские развалины, пояснил:

– Это Храмовая гора – на ней и возвышался Храм! Тысячу лет наши предки чтили это место и приходили сюда мо-

литься. Римляне разграбили и разрушили наш Второй храм

всего через шесть лет после окончания его строительства.

Это

произошло 9 ава* 3830 года (2 августа 70 г. н.э.). Это не един-

ственное печальное событие, приходящееся на эту дату.

Пер-

вый храм – храм царя Шломо**, построенный около тысячи лет назад, – тоже был разрушен именно 9 ава.

– Ты можешь считать меня глупым, господин, но я не верю во все эти совпадения.

– Акива, какое я имею право думать о тебе так? Все мы рав-

ны перед Вс-вышним, благословенным, и можем иметь свою

точку зрения на происходящие события. Если бы Он, милос-

сердный, хотел, чтобы у всех людей были одинаковые взгля-

ды на разные события, то Он бы так и сделал. Но раз мы все

* Месяц ав – пятый месяц еврейского календаря, если отсчитывать месяцы

от исхода из Египта. Соответствует приблизительно июлю–августу.

** Царь Шломо (на рус. яз. – Соломон) – сын царя Давида от Бат-Шевы,

третий еврейский царь. Царь Шломо оставил после себя три книги: «Шир

а ширим» (Песнь песней), «Мишлей » (Притчи царя Соломона) и «Коэлет»

(Экклезиаст).

разные, то, значит, так и должно быть. Но я часто думаю, по-

чему недавние печальные события и разрушение храма Шло-

мо произошли в один и тот же день. Может, это знак?
– Я не могу дать тебе ответ на этот вопрос, уважаемый

Шэтия. А почему Первый храм ты называешь храмом Шло-

мо? Его построил Шломо Мудрый?

– Да, Первый храм был построен великим царем Шломо, которого многие называют Шломо Мудрый, по праву считав-

шимся умнейшим человеком. Есть и такие, кто именует его

Шломо Великим, так как время его правления считается эпо-

хой расцвета монархии и иудейского могущества. Он славил-

ся необычайным богатством, а самое главное – мудростью и справедливостью. Когда я вижу, что творится в Иерусали-

ме, вспоминаю историю с перстнем Шломо и нахожу некое

утешение.

– А что было необычного в его перстне?

– Говорят, что на его перстне была высечена фраза: «Все проходит». И в моменты сильного гнева царь Шломо всегда

смотрел на эту надпись, и это помогало ему обрести спокой-

ствие. Но однажды он так разгневался, что не смог совладать

с собой, даже смотря на эту надпись. В гневе он сорвал кольцо

с пальца и уже собрался бросить его, как в последний момент

заметил светящиеся буквы на внутренней стороне кольца. Он

приблизил кольцо – надпись гласила: «И это тоже пройдет».

Шломо рассмеялся и снова надел кольцо.

Торговец тяжело вздохнул:

– Может, и эти сложные для нашего народа времена пройдут...

– Ты тоже мудрый человек, господин Шэтия. Даже если Кальба Савуа не примет меня, я все равно буду тебе очень благодарен, – отозвался Акива.

Шэтия не согласился:

– Я стараюсь учиться, общаться с мудрецами Торы, учениками ешив*, хожу в синагогу, но все равно до мудрости царя Шломо мне ой как далеко. Он великий царь, он удосто-

ился чести построить Храм, а я простой смертный. Акива, если у тебя возникнет желание, можешь посещать синагогу со мной.

– Уважаемый Шэтия, прости, но сейчас я к этому не готов.

И ты знаешь, за всю мою жизнь у меня сложилось не совсем

положительное впечатление о религиозных людях.

– Я не настаиваю! К этому каждый должен прийти сам, каждый сам должен проложить свою дорогу к мудрости.

Ког-

да будешь готов, скажи.

Акива молча согласился, и оставшуюся часть пути они прошли без единого слова, думая каждый о своем. Время

при-

ближалось к полудню, и солнце нещадно пекло, когда

Шэтия

сказал:

– Ну, вот мы и пришли – это владения Кальбы Савуа.

С возвышенности, на которой стояли Акива и Шэтия, был виден огромный особняк с цветущим садом и тучное поле, ко-

торое пересекала протекающая по нему речка.

* * *

Путники прошли в ворота имения Кальбы Савуа, и Шэтия, прихватив сумку с пряностями, направился к огромному

особняку, поручив Акиве своего осла. Поравнявшись с деревен-

нным колодцем, стоявшим посреди двора, торговец

увидел

бегущую ему навстречу молодую девушку, лет двадцати, нео-

быкновенно красивую. Она радушно поприветствовала гостя

* Ешива – букв. «сидение, заседание»; еврейское высшее религиозное учебное заведение.

и поднесла ему кувшин с водой, набранной из колодца. Шэтия

умылся и, выпив холодной воды, прошел в дом.

Приняв кувшин из рук Шэтии, девушка наполнила его еще

раз, чтобы, как обычно, напоить осла, но увидела незнакомца

и подошла к нему.

– Пей, пожалуйста, – протянула она кувшин гостю, – наверное, тебе с господином Шэтией пришлось преодолеть дол-

гий путь.

Акива скромно принял кувшин из рук девушки, внимательно-

но посмотрев в ее карие глаза. Он сразу же влюбился в нее, его

одинокое сердце распахнулось ей навстречу.

– Ты пей сколько угодно, а я пойду напою и накормлю осла господина Шэтии. Наверное, жажда измучила бедное животное –

ное, ослик выглядит усталым, – продолжала девушка. Набрав очередной кувшин, девушка наполнила водой глубокое корыто и, подведя осла к воде, стала гладить его по шерсти –

сти и нежно приговаривать:

– Пей, ослик, ты сегодня много ходил и, наверное, очень устал.

Когда осел осушил корыто, девушка забрала пустой кувшин у Акивы и, вернув его к колодцу, направилась в дом. Кальба Савуа встретил старого знакомого со всеми почестями –

ми и пригласил отобедать. Трапеза прошла в беседах о Иерусалиме и будущем иудеев в родной стране. Кальба Савуа пошел

по обыкновению проводить гостя до двери, когда Шэтия сказал:

– Я могу обратиться к тебе с просьбой?

– Если у тебя торговля идет не очень хорошо и тебе нужны деньги, буду рад тебе помочь, – с готовностью откликнулся

Кальба Савуа. – Вернешь, когда сможешь, а если не сможешь,

то мы оба забудем об этом. Ты мне как старший брат.

– Вчера к моему дому подошел человек, и я пригласил его поужинать. Он издалека, и ему нужна работа. Мне хотелось

бы помочь ему, но я не знаю как и потому решил обратиться к тебе.

– Ты напугал меня, мой дорогой Шэтия, я думал, у тебя произошло что-то серьезное. Приведи его, я дам ему работу,

еду и ночлег. Мне нужны помощники и управляющие, кто-

рые смогут вести хозяйство. Я один уже ничего не успеваю.

– Да, Кальба Савуа, мы с тобой не молодеем, и нам нужны помощники. Но он не справится со столь ответственной долж-

ностью. Думаю, вести хозяйство ему не совсем подойдет. Мо-

жет, у тебя есть более простая работа?

– Зачем простая? Раз ты просишь, я дам твоему человеку хорошую работу.

– Акива не умеет ни писать, ни читать, и я думаю, ему будет сложно работать твоим помощником.

– Сколько же ему лет?

– Около сорока, он ам-аарец, но он показался мне очень

хорошим человеком, несмотря ни на что.

– Сегодня в Иерусалиме редко встретишь человека, который в таком возрасте не умеет читать и писать. Он прав-
вер-

ный иудей, посещает синагогу, знает молитвы, читает бла-
го-

словение после еды? – спросил Кальба Савуа.

– Нет, он говорит, что всю жизнь занимался тяжелым тру-
дом и у него не было времени учиться.

– Что ж, я попрошу своих помощников научить его молит-
вам... после работы, конечно, – засмеялся Кальба Савуа.

—
Поголовье скота увеличилось, и мне нужен хороший пас-
тух.

Приводи своего Акиву, и мой помощник Эзра покажет
ему

имение и скот.

– Он пришел со мной и сейчас ожидает у ворот.

– Тогда пусть приступает к своим обязанностям прямо се-
годня, – улыбнувшись, произнес Кальба Савуа.

– Благодарю тебя, Кальба Савуа, ты столько делаешь для
нашей общины. Будь благословен!

– Я уверен, что, если бы у тебя была возможность, ты по-
ступил бы так же.

– Я простой торговец, но ты, Кальба Савуа, уважаемый че-

ловец — цадик*. О тебе люди слагают легенды и, наверное, будут говорить даже через тысячу и две тысячи лет как об одном

из самых богатых людей Иерусалима.

Шэтия сообщил радостную новость Акиве. Тот сердечно поблагодарил своего покровителя и направился вместе с Эзрой, управляющим хозяйством и помощником Кальбы Са-

вуа, знакомиться с хозяйством.

Эзра показал Акиве, как устроено имение, и по поручению

Кальбы Савуа отвел ему отдельную комнату в доме, где жили

слуги. Также Кальба Савуа положил ему хорошее жалованье и

дал даровой стол вместе с другими слугами.

Акиве нравилась работа, он мог в одиночку подолгу пасти у реки скот, за которым должен был присматривать. Он рад-

вался тому, как всё устроилось, и был готов прожить так всю

оставшуюся жизнь.

* Слово «цадик» происходит от слова «цедек», что на иврите значит «справедливость»; человек, который стремится жить по законам То-

ры и помогать ближнему.

Глава 2

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Я принадлежу любимому моему, а любимый мой принадлежит мне; он пасет между лилиями.

Шир а-Ширим, 2:16

Осень выдалась дождливой. Акива по-прежнему пас овец в име-

нии Кальбы Савуа и получал приличное жалованье. Каждое

утро он выгонял из загона отару овец и спускался со стадом

к пастбищу около реки. Животные мирно паслись, а пастух

любовался природой и наблюдал за тем, как течет река.

Акива очень заботился о своем стаде и старался, чтобы животные паслись в хорошем месте, где растет сочная трава.

Он оберегал овец от чрезмерного холода, шума и невыносимой жары.

В дни, когда гости Кальбы Савуа, желающие пообедать на све-

жем воздухе, переходили в беседку, с которой открывался пре-

красный вид на реку, и подолгу спорили о будущем еврейского

народа, Акива перегонял овец в более спокойное место. Пастух

считал, что умиротворенные овцы смогут давать больше шерсти,

а их мясо будет ароматнее и сочнее. Но в дни, когда та юная де-

вушка в компании служанки подолгу читала в беседке книги, Аки-

ва не угонял стадо, он изредка бросал взгляд в ее сторону, чтобы

узнать, не смотрит ли она на него. Девушка, увлеченная чтени-

ем, не замечала пастуха, а когда ее глаза уставали, она переводила

взгляд на реку, на ее блестящие под лучами палящего солнца воды.

По пятницам Акива пригонял овец на пастбище с первыми лучами солнца, чтобы успеть вернуться обратно до

наступления темноты. После заката начинался шаббат*, а в

шаббат в имении Кальбы Савуа иудеи не работали. Иногда Акива по приглашению господина Шэтии встречал шаббат

в его доме. Пожилые супруги радовались его приходу и ра-
душно встречали гостя.
Акива давно терялся в догадках, кто та прекрасная незна-
комка, напоившая его водой, как ее зовут, но ответов на
свои
вопросы не находил. Боясь вызвать гнев управляющего, Аки-
ва молчал и не обращался к нему за разъяснениями.
Иногда, возвращаясь в имение после работы, он направ-
лял-
ся к колодцу в надежде хоть на мгновение увидеть милую
де-
вушку. Наполняя кувшин, Акива подносил его к губам,
медлен-
но пил из него, стараясь рассмотреть, что происходит во-
круг.
Иногда ему удавалось увидеть, как девушка развешивает бе-
лье вместе со служанкой, кормит лошадей или наполняет
ку-
хонными отходами огромное корыто около дверей дома.
Она
регулярно делала это, чтобы корыто не пустовало и бро-
дячие
собаки могли поесть из него. Акиве нравилось наблюдать,

как

она трудится, но больше всего ему нравилась ее теплая улыбка.

Но однажды, в один жаркий летний день, наполняя кувшин

водой из колодца, Акива услышал громкий лай собак и, обер-

нувшись, увидел, как бездомная собака, прибежавшая к коры-

ту, яростно лаяла на девушку, пытавшуюся, как обычно, на-

полнить его отходами. Собака, увидев кастрюлю в ее руках и

учуяв запах съестного, продолжала лаять на девушку, вынуж-

дая бросить кастрюлю с содержимым на землю.

Акива бросился на помощь, криками пытаясь отогнать озлобленную псину. Собака неохотно отступила, потом решила

* Шаббат (Суббота) – седьмой день недели в иудаизме. По законам Торы

в этот день следует воздержаться от работы. Шаббат начинается с вечера пят-

ницы и считается наиболее значительным из еврейских праздников.

вернуться и отвоевать кастрюлю. Акива замахнулся на нее ку-
лаком – посоха с ним не было, и собака, прежде чем убе-
жать,
укусила его за руку. Девушка бросилась к Акиве, но пас-
тух
молча повернулся к ней спиной и ушел.
Она глядела вслед человеку, который быстро удалялся
в сторону реки, чтобы промыть рану, здоровой рукой од-
норе-
менно зажимая кровоточащий покус. Она никогда не ви-
дела
сразу столько крови и поэтому долго не могла уснуть, ду-
мая
о своем пастухе-герое.
Акива, которого по роду его прежних занятий не раз ку-
сали
собаки, насекомые и даже змеи, не придавал случившемуся осо-
бого значения. Он промыл руку водой из реки и, крепко пере-
вязав ее, стал думать о девушке. «Возможно, она дочь слу-
жан-
ки, она повсюду сопровождает ее, или родственница Каль-
бы
Савуа», – рассуждал он сам с собой.

Проходил день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем.

Дела в Иудее обстояли все хуже и хуже. Иерусалим был разрушен, жители города с трудом сводили концы с концами.

Они исправно платили большие налоги римлянам, чтобы не

повторить судьбу других иудеев и не быть угнанными в раб-

ство. Жители пытались воссоздать в Иудее духовную жизнь

в отсутствие Храма и сохранить Священное Писание для ев-

рейского народа.

Акива же был далек от всего этого, он не думал ни о Торе, ни

о разрушении Храма. Каждый день он выводил овец на паст-

бище и с волнением ждал встречи с прекрасной незнакомкой.

* * *

Наступающий шаббат Акиве предстояло встретить у Шэтии.

После обеда он загнал овец и, предупредив управляющего,

что сегодня не будет присутствовать на праздничной тра-

пезе,

отправился в дом Шэтии. У главных ворот он снова встретил

знакомую чтицу с прекрасными длинными волосами. Ее шею

украшала золотая цепочка, на которой висели три непонятные

для Акивы буквы. Он не мог отвести от девушки глаз и едва не

ударился головой о ворота. Направляясь в дом господина Шэ-

тии, пастух всю дорогу думал о ней.

После сытного ужина господин Шэтия прочел благословение, завершающее шаббатную трапезу. Затем он вкратце рас-

сказал Акиве и своей жене Охелии об основных моментах в недельной главе Торы и, после того как все традиции были

соблюдены, спросил у гостя:

– Акива, как тебе работается у Кальбы Савуа?

– Спасибо, очень хорошо. У меня еще никогда не было такой работы и такого хорошего заработка. Мне нравится пасти

овец и целый день быть на свежем воздухе.

– Ты не устаетшь?

– Я работаю с самого детства и привык к любой работе. Работа у Кальбы Савуа легкая по сравнению с тем, что мне приходилось делать раньше. Раньше я работал круглый год,

с утра и до позднего вечера, без отдыха, а сейчас я отдыхаю

в шаббат и праздники. Господин Шэтия, я хотел узнать, сегодня-

ня какой-то иудейский праздник?

– Нет! Почему ты спрашиваешь?

– В имении Кальбы Савуа с самого утра все суетятся.

– Кальба Савуа сегодня празднует свой шестидесятый день рождения. Я был сегодня в его доме, привозил свежие

пряности и даже успел подарить имениннику серебряную Ме-

нору*. Он уговаривал меня остаться и разделить это радостное

* Менора – букв. «светильник». Семиствольный светильник (семисвечник), ко-

торый стоял в Иерусалимском храме. С древнейших времен – символ иудаизма, еврейский религиозный атрибут.

событие с ним и его многочисленными друзьями, среди кото-

рых был даже раби Йоханан бен Закай* из Явне. Но я, попро-
сив прощения и подняв за его здоровье бокал красного вина,
поспешил вернуться домой к шаббату.
– Кто такой раби Йоханан бен Закай? – поинтересовался Акива.
– О, это один из самых известных и уважаемых раввинов. Он глава ешивы в городе Явне и на сегодняшний день духов-
ный лидер всей Иудеи. Мне посчастливилось несколько раз
пообщаться с ним, он просто замечательный человек, насто-
ящий лидер. Глядя на то, как такому пожилому человеку уда-
ется сохранять ясность ума, мудрость и лидерские качества,
просто поражаешься.
Но Акиве, услышавшему в рассказе Шэтии фразу об имени Кальбы Савуа, сразу вспомнилась девушка, и история о раввине отодвинулась на второй план. Акива, слушая хозяи-
на дома, увлеченно рассказывающего о своей первой встрече
с раби Йохананом бен Закаем, мысленно подбирал слова,

что-

бы задать давно мучающий его вопрос, и, как только насту-

пила короткая пауза, он, не дождавшись окончания рассказа

о раввине, произнес:

– Господин Шэтия, могу я тебя спросить? Ты часто бываешь в имении Кальбы Савуа, скажи, как зовут молодую девушку, живущую в его доме?

– У него живет много женщин. Одни убирают в доме, другие ведут хозяйство, третьи готовят, еще одни стирают одежду.

Которая из них тебе понравилась? – улыбнулся старик.

– Очень милая девушка лет двадцати, с красивыми длинными волосами.

* Раби Йоханан бен Закай – выдающийся раввин и мудрец эпохи разрушения

Второго Храма. Возглавлял Санедрин в городе Явне.

– Покажи мне ее при случае, и я, возможно, вас познакомлю. Если хорошая девушка и она работает у Кальбы Савуа, то

я замолвлю перед ним слово за тебя.

– Молодая девушка с длинными черными волосами. Помнишь, когда мы в первый раз переступили порог дома Кальбы

Савуа, она угостила нас водой из колодца, и еще в прошлый раз,

когда ты приходил с пряностями, она провожала тебя с Кальбой

Савуа до ворот. Я в это время возвращался с пастбища с овцами.

Шэтия силился вспомнить, кто же его провожал в последнюю среду, когда он выходил от Кальбы Савуа. Вдруг он вздрогнул и громко крикнул:

– Забудь о ней!

– Что с тобой произошло, Шэтия? – испугалась госпожа Охелия.

– Забудь о ней и даже не смотри на нее, я тебя очень прошу, – настойчиво повторял взволнованный Шэтия. Он повер-

нулся к обеспокоенной супруге: – Ты знаешь, о ком он гово-

рит? Он говорит о Рахель, дочери Кальбы Савуа.

Шэтия сильно встревожился, его лицо побагровело. Но, не-

смотря на просьбы жены успокоиться, он продолжал волно-
ваться.

– Если Кальба Савуа узнает, что она тебе нравится, – обратился старик к Акиве, – или, того хуже, что ты пытаешься

с ней познакомиться, он сделает так, что ты больше никогда не

будешь работать в Иерусалиме. Ты хочешь потерять работу и

снова каждый день искать заработок?

Акива опустил голову.

– Прости, что я тебя заставил волноваться. Мне даже в голову не могло прийти, что у Кальбы Савуа такая юная дочь.

– Она поздний ребенок, поэтому он ее так любит и бережет.

Дочь – все, что у него осталось. Прошу тебя, Акива, выбрось

ее из головы, – уже более спокойным тоном произнес Шэтия.

Акива и госпожа Охелия пытались сменить тему разговора на более нейтральную, и, когда он немного успокоился, все

пошли отдыхать.

Акива долго не мог заснуть и пребывал в грусти. Разве мог такой бедняк, как он, жениться на дочери самого Кальбы Савау?

Он убеждал себя прислушаться к совету господина Шэ-

тии и больше не думать о ней, но ничего не мог с собой

поде-
лять. Все его мысли были только о ней, о Рахель. Теперь,
когда
ему стало известно ее имя, оно казалось ему самым пре-
крас-
ным на свете. Но, взвесив все еще раз, Акива все-таки ре-
шил
взять себя в руки и навсегда забыть о красавице, чтобы
не пор-
тить жизнь себе и не подвергать опасности дружбу госпо-
дина

Шэтии с Кальбой Савуа.

* * *

Жизнь текла, как прежде. Первая зима Акивы в имении
Каль-
бы Савуа выдалась холодной. Ему приходилось много ра-
бо-
тать, чтобы в таких условиях сохранить поголовье овец.
Он
трогательно заботился об овцах и проводил с ними боль-
шую
часть своего времени, так как работа помогала ему хоть
неко-
торое время не думать о Рахель.

Весеннее солнце снова начало согревать приходивших
в себя после холодной зимы жителей Иерусалима. Тро-

пинка,

ведущая к реке, подсохла, и Акива стал чаще выводить овец

к реке. Прекрасные солнечные дни время от времени сменя-

лись дождливыми, но они не могли омрачить жизнь Акивы,

который получал удовольствие от своей работы. Ближе к Пей-

саху*, как обычно, в имении Кальбы Савуа было принято про-

* Пейсах – иудейский праздник, который празднуется весной в память Исхода евреев из Египта.

водить учет. Акиве, несмотря на холодную зиму, удалось не

только сохранить, но и увеличить поголовье скота.

Управляющий был доволен Акивой и пообещал поговорить

с Кальбой Савуа о прибавке к жалованью.

Пейсах в имении Кальбы Савуа, как и во всей Иудее, празд-

новали широко, вопреки всем трудностям. После праздника

Пейсаха Акива снова начал ежедневно выводить овец

к реке, но, как только сгущались тучи, грозя дождем, он сразу

же спешил привести отару обратно в загон.

Стоял весенний день. Внезапно хлынул сильный дождь.

Акива никак не мог справиться с отарой, которая, слыша гром

и пугаясь молнии, с блеянием разбегалась в разные стороны.

Он весь промок и приложил немало усилий, чтобы загнать всех

овец в загон. Заперев овец, он и сам хотел укрыться от ливня и

ураганного ветра, переодеться и согреться, но, бросив напослед-

ок взгляд на пастбище, увидел забытого им ягненка. Сильный

ветер сдувал его в сторону реки. Ягненок боролся из последних

сил, чтобы не сорваться в реку, но силы его были на исходе.

Акива поспешил на помощь. Ветер рванул и сбил ягненка с ног, сильное течение уже уносило обессиленного малы-

ша. Акива бросился в воду, быстрыми движениями добрал-

ся до ягненка и вытащил его на сушу. Ягненок был напу-

ган

и весь дрожал от холода. Над рекой стояла беседка, и Аки-
ва

устремился к ней в надежде укрыться от непрекращающе-
го-

ся ливня. Пастух быстро преодолел подъем и подбежал к
бе-

седке, прижимая к груди спасенного ягненка. В беседке
сто-

яла Рахель. Заметив девушку, Акива поспешно вышел из-
под

навеса, но до него донеслись слова девушки:

– Куда ты бежишь? Прошу, вернись. Тебе нужна сухая оде-
де-

жда, возьми мою накидку.

Акива движением головы отказался от накидки, но вер-
нул-

ся и молча присел на край скамейки, отвернувшись в сто-
рону

реки, чтобы не смотреть на девушку. От волнения он еще
крепче обнял дрожащего ягненка.

– Когда ты спас меня от собаки, я долго молилась, чтобы
с тобой все было в порядке, чтобы ты не пострадал за ме-
ня.

Я не стала никому рассказывать, так как не хотела, чтобы

эта

история дошла до отца. Если он узнает, он непременно запретит мне кормить собак и лошадей или вообще выходить

из дома. Но если бы я не увидела, что на следующий день с то-

бой было все в порядке, я бы обязательно рассказала отцу и он

бы непременно вызвал лучших врачей.

Ты очень храбрый и порядочный человек. Сегодня я имела возможность еще раз в этом убедиться, когда увидела, как

ты спас ягненка. Наверное, не многие из пастухов решились

бы броситься в реку, даже будь это их собственная овца. А ты

бросился спасать животное, которое тебе не принадлежит.

Акива не ответил.

Рахель продолжила:

– Осенью я часто наблюдала, как ты пас овец у реки, но зимой было холодно и я редко приходила сюда. Мне нравится

смотреть на воду, на ее движение. Я могу сидеть здесь часами,

погрузившись в свои мысли и раздумья. Я думаю о жизни,

не

о самой жизни, не почему мы родились, а о своей роли в ней.

Зачем я появилась на этот свет, каково мое предназначение?

Часто думаю о будущем. О чем ты думаешь, глядя на реку?

– спросила девушка.

Грянул гром, и ягненок, испугавшись, жалобно заблеял.

Рахель сняла с себя накидку и протянула Акиве:

– Укрой ягненка, ему будет теплее и спокойнее.

Акива принял у Рахель накидку и укутал маленькую овечку.

Дождь потихоньку стихал и терял силу. Акива, не попрощавшись, быстро направился к себе, унося с собой спасенны-

ша, а Рахель отправилась домой.

Весь вечер пролежал Акива, прижимая к себе накидку Рахель. Он не верил тому, что они встретились и она не насме-

халась над ним, а беседовала с ним. Это было похоже на сон,

но накидка, которую Рахель дала для того, чтобы укутать яг-

ненка, доказывала реальность произошедшего. Он вдыхал

тонкий аромат, исходивший от накидки, и это снова по-
гру-
жало его в переживания сегодняшней встречи. Мечты
уно-
сили его далеко, но он пытался успокоиться и заснуть по-
сле
тяжелого дня. Поутру он решил взять с собой накидку и пе-
редать Эзре или кому-то из служащих, чтобы они вернули
ее
хозяйке.
День наступил прекрасный, на небе не было ни облачка.
Акива погнал овец на пастбище, а сам, как обычно, сел
на ка-
мень около реки и стал смотреть на воду. Ягненок, спа-
сенный
им вчера, пасся рядом, и Акива время от времени погла-
живал
его по шелковистой шерстке. Душа Акивы была в смяте-
нии.
С одной стороны, он с нетерпением ждал появления Ра-
хель,
а с другой – боялся встречи с ней, так как понимал, что,
уви-
дев ее, услышав ее нежный голос, влюбится с еще большей
силой и больше не сможет жить без любимой. Беседка пу-

сто-

вала. Солнце стало опускаться за горизонт, и настала пора
воз-

вращаться в имение. Акива встал с камня, держа в правой
руке

посох, а в левой накидку, готовый гнать овец на ночлег,
как

вдруг услышал голос из беседки:

– Здравствуй, вижу, ты принес мою накидку. Я сейчас спущусь за ней.

Акива растерялся, волнение охватило его. Он не знал, как себя вести и что делать. Рахель в это время осторожно спусти-

лась вниз к реке, и Акива передал ей накидку. Они случайно

встретились взглядами. «Она прекрасна как никогда», – по-

думал Акива, но через мгновение снова отвел глаза в сторону.

Забрав накидку, Рахель произнесла:

– Я рада видеть тебя в здравии после вчерашнего происшествия. А где ягненок, которого ты спас?

Акива указал рукой на ягненка, которого он целый день не отпускал от себя.

– Он такой милый. Если бы отец разрешил, я бы забрала его к себе в комнату. Я бы кормила его, купала и даже спала

с ним. У него такая нежная шерсть, а глаза такие печальные и

красивые. Ты так не считаешь?

Акива молчал – то ли из-за слов Шэтии, то ли из-за опасения сказать глупость и разочаровать Рахель, он и сам не знал.

– Ты всегда такой молчун? – Рахель слегка обиделась. — А мне нравится разговаривать, особенно в такой прекрасный

день. Какую ты любишь погоду? Какое твое любимое время

года? – Девушка засыпала Акиву вопросами.

Акива ничего ей не ответил.

– А ты меня хоть слышишь?

Акива утвердительно качнул головой.

– Как хорошо, а то я начала уже волноваться. Ты меня порадовал, я уж подумала, что ты глухой. А говорить ты умеешь?

Акива снова покачал головой, не глядя в сторону прекрасной собеседницы.

– Я знаю, что умеешь, – продолжала настойчивая Рахель, – я слышала, как ты несколько раз разговаривал с Эзрой.

Акива молчал.

– Что же ты молчишь? Может, Эзра запретил тебе разговаривать со мной или ты, увидев меня, потерял дар речи?

Акива от волнения снова кивнул.

– Не понимаю, – улыбнулась Рахель. – Ты на все вопросы отвечаешь «да»?

Акива отрицательно покачал головой.

– Вот и первый отказ, – рассмеялась Рахель. Она не собиралась сдаваться: – Имя у тебя есть?

Акива продолжал молчать.

– Вновь превратился в глухонемого? – Рахель было и смешно, и немного обидно. – Ты не хочешь назвать своего имени, не говоришь со мной, не отвечаешь на вопросы и не

смотришь на меня. Что такого тебе сказал Эзра? Что если ты

посмотришь на меня, то превратишься в статую? – шутила Рахель.

Акива действительно как будто превратился в камень, слов-

но ослеп и оглох.

– Мне пора идти. Отец, наверное, уже волнуется. – Рахель на минуту задумалась и вдруг предложила: – Напиши мне свое имя на песке.

Акива наконец решился заговорить и признался, что не уме-

ет ни писать, ни читать, и после некоторой заминки добавил:

– Мое имя Акива.

Рахель задорно рассмеялась:

– Ты взрослый человек и не умеешь написать даже своего имени?

Рахель ушла, а Акива опустил голову и впал в глубокую грусть. «Зачем я ей сказал, что не умею писать и читать, – ду-

мал Акива, – она больше никогда не захочет разговаривать со

мною. Конечно, она образованная девушка и первый раз видит

такого невежду, как я. Лучше бы я молчал, тогда хоть изред-

ка смог бы видеть ее, слышать ее чудесный голос, но теперь...

Теперь она будет сторониться меня».

Глава 3

ОТВЕРСТИЕ

В БОЛЬШОМ КАМНЕ

Сильна, как смерть, любовь.

*Большие воды не могут потушить
любви, и реки не зальют ее.*

Шир а-Ширим, 8:6-7

Следующие несколько дней Акива не видел Рахель и после

отдыха в шаббат приступил к своим обязанностям. Он вывел

овец из загона и погнал их к реке. Сидя на берегу, он погру-

зился в мысли о Рахель. В этот раз девушка так и не пришла.

Акива несколько дней не видел Рахель и даже не надеялся встретить ее, размышляя о предыдущей встрече. Но через день после разговора девушка неожиданно пришла в поле.

Она набралась смелости и произнесла:

– Мир тебе, Акива. Мне хотелось бы извиниться за свое поведение. Я в самом деле никогда не встречала людей, которые не умеют читать и писать.

Акива с грустью улыбнулся:

– Многие, когда узнают, что я неграмотен, начинают смеяться надо мной. Сначала меня это очень задевало, а сейчас я уже привык.

– Обещаю, что больше никогда не буду смеяться, – заверила Рахель.

– Благодарю тебя. – Акива действительно был ей благо-

дарен за это.

Рахель выглядела немного усталой, и Акива предложил ей присесть на соседний камень. Она с удовольствием приняла

его предложение и, постелив на камень поданную Акивой на-

кидку, присела.

– Тебе удобно? – поинтересовался Акива.

– Да, спасибо, – с готовностью отозвалась Рахель. —

В прошлый раз ты назвал свое имя, а я забыла. Это невежливо-

во. Мое имя Рахель, я дочь Кальбы Савуа.

– Я знаю, – тихо произнес Акива. – У тебя очень красивое имя, в честь кого тебя назвали?

– В честь нашей праматери Рахель.

– Расскажи мне, пожалуйста, о ней, – попросил Акива.

– Тебе и в самом деле неизвестно, кто такая была Рахель?

– удивилась девушка. – Она была женой праотца нашего Яа-

кова. Надеюсь, кто такой праотец Яаков, ты знаешь.

Акива отрицательно покачал головой.

– Я тебе расскажу. Яаков был сыном праотца нашего Ицхака и праматери Ривки. Скрываясь от гнева своего брата, он

отправляется к Лавану, брату своей матери. У Лавана бы-

ло

две дочери, старшая Леа и младшая Рахель. Яаков с первого

взгляда полюбил Рахель и, чтобы жениться на ней, согласился

служить пастухом в доме Лавана семь долгих лет. Семь лет

прошли для Яакова как несколько дней, потому что его лю-

бовь к Рахель была сильна.

– Семь лет ради права жениться, разве такое возможно?

– не поверил Акива.

– Да, Яаков согласился на это, и время пролетело для него незаметно, потому что он очень сильно любил Рахель.

Рахель немного помолчала, собираясь с мыслями, затем продолжила:

– Слушай, что было дальше. Когда срок истек, Яаков пришел к Лавану и попросил отдать ему в жены Рахель. Лаван

согласился, назначил день свадьбы и пригласил много гостей.

Яаков не доверял ему и договорился с невестой об условном

знаке, который она должна была дать ему перед церемонией. Но, когда пришло время свадьбы, Лаван обманул Яакова и

подменил Рахель на Лею. Яков понял это только после свадьбы-
бы, когда она сняла фату, но было уже поздно. Позже он узнал
от Рахель, что та, чтобы не опозорить сестру перед гостями,
поведала ей об условном знаке.
Лаван предложил Якову отработать еще семь лет в его доме,
чтобы тот все-таки смог получить в жены Рахель. Яков сразу же
согласился, так как они с Рахель очень любили друг друга.
Поз-
же у них родился первенец, которого называли Йосифом.
К не-
счастью, при родах второго сына, Биньямина, Рахель умерла.
– Да, это очень печальная история, – задумчиво произнес Акива. – Думаю, редко кто сегодня смог бы так поступить. Я бы никогда не отдал своего. Если она так сильно любила Яа-
кова, зачем отдала сестре?
– Наша праматерь Рахель была очень милосердной. Она сильно любила Якова, но уступила его своей сестре, чтобы
спасти ее от позора. Она плакала днями и ночами, что Яа-

ков

обнимает не ее, ради кого он служил семь лет, но не жалела

о своем поступке.

До сего дня иудеи в трудные минуты приходят молиться к ее могиле в Бэйт-Лэхэм*, чтобы пробудить милосердие

Вс-вышнего. А наша праmaterь Леа вместе с праотцем Яако-

вым похоронены в Хевроне**.

* Бэйт-Лэхэм – букв. «Дом хлеба». Русский вариант – Вифлеем.

** Хеврон – один из наиболее древних городов мира. Находится рядом с Ие-

русалимом (в 30 км к югу). Иудеи считают Хеврон священным городом, на-

ряду с Иерусалимом, Цфатом и Тверией. На краю Хеврона находится Меарат

а-Махпела (Пещера Патриархов), где покоятся наши праотцы и праматери —

Авраам и Сара, Ицхак и Ривка, а также Яаков и Леа.

– Ты бы смогла поступить как Рахель? – Акива испытующим взглядом посмотрел в глаза собеседницы.

– Не знаю, – честно призналась девушка, – я еще никогда никого не любила. Думаю, что в наше время нет таких

лю-

дей, как Рахель и Яаков, которые готовы пожертвовать всем

ради своих любимых.

Рахель любовалась течением реки и молчала.

– Иногда я думаю, – вновь заговорила девушка, – что Рахель недостаточно любила Яакова, раз так поступила, а ино-

гда наоборот – до какой степени можно любить человека, чтобы пустить соперницу в свой дом.

– Как же сложилась судьба Яакова? – спросил Акива.

– История о Яакове и его сыновьях очень длинная, я поведаю ее тебе как-нибудь, но уже темнеет и мне пора идти.

Про

наших праотцев Авраама, Ицхака и Яакова можно долго рас-

сказывать, – мягко улыбнулась Рахель.

– О праотце Аврааме я знаю, Шэтия о нем много рассказы-

вал, – сказал Акива.

– Хорошо, что ты знаешь о праотце Аврааме, он приходит-

ся отцом Ицхаку и дедушкой Яакову, – обрадовалась Рахель. —

Его огромный шатер стоял посреди пустыни. Авраам радушно

встречал путников, проходящих мимо, и вводил их в свой шатер.

Он давал им воду, чтобы они могли омыть ноги, а затем кормил

и поил. Во времена Авраама люди поклонялись деревянным

статуэткам, погрязли в язычестве. Праотец наш Авраам пер-

вым публично провозгласил о существовании Единого Бога. Он

еще в раннем детстве понял, что у мира есть Творец и что толь-

ко Ему и нужно служить и поклоняться, – рассказала Рахель.

– Ты такая юная и так много знаешь! – восхитился Акива.

– Мой отец говорит, что каждый человек должен хорошо знать историю своего народа. Жаль, что ты так мало знаешь

о жизни наших праотцев.

– У меня никогда не было возможности учиться, – оправдывался Акива. – Я всю свою жизнь провел в поле, пася скот,

или в лесу, собирая сухие ветки, и сейчас уже, наверное, позд-

но учиться чему-либо.

– Учиться никогда не поздно, – возразила Рахель. – Если
найдется время, я буду приходить и рассказывать тебе ис-
то-
рию нашего народа. Сегодня канун шаббата, и в доме уже
пол-
ным ходом идут приготовления. Мне нужно поспешить,
так
как я тоже должна помочь. Нам предстоит готовить до
поздне-
го вечера, а завтра утром делать работу по дому, а затем,
с на-
ступлением шаббата, я отправлюсь вместе с отцом в си-
нагогу.

Пастух поблагодарил Рахель, и она, прихватив накидку,
от-
правилась в дом. Акива погнал овец на ночлег. Назавтра
пред-
стояло рано вставать, так как в преддверии шаббата нужно
было многое успеть. Лежа в постели, он много думал об
исто-
риях, рассказанных Рахель, и не успел оглянуться, как за
окна-
ми начало светать. Акива немного поел и отправился ра-
ботать.

В имении Кальбы Савуа утром перед шаббатом всегда бы-
ло

много людей. Торговцы овощей привозили лучшие овощи, торговцы фруктов приносили ему лучшие фрукты, а рыбаки – свежую рыбу. Акива, привыкший к предшаббатной суете, уже спокойно воспринимал эту суматоху. Покормив и напоив овец, Акива направился в дом Шэтии, предупредив заранее Эзру об уходе.

Рыба, пожаренная на углях, и свежие лепешки в доме господина Шэтии были отменные.

– Акива, я положу тебе еще кусок рыбы? – предложила госпожа Охелия. – Ты много работаешь, нужны силы, хорошо поешь.

– Возьми еще кусочек, – присоединился к просьбе жены старик Шэтия.

– Благодарю, – сказал, поднося тарелку, Акива. – Нас в доме Кальбы Савуа тоже очень хорошо кормят, и работа

у меня не такая уж и тяжелая. Господин Шэтия, у меня к тебе

просьба. Я бы тоже хотел произнести благословение после еды, научи меня.

Шэтия обрадовался несказанно:

– Это замечательно, я с радостью тебе помогу. Если захочешь изучать Священное Писание, я познакомлю тебя с уче-

никами ешив из Иерусалима, и они научат тебя основным мо-

литвам и расскажут историю народа.

– Пожалуйста, научи меня ты, господин. С учениками ешив я не хочу иметь ничего общего.

– Почему ты к ним так относишься? – продолжая есть рыбу, спросил Шэтия.

– Потому что они смотрят на таких, как я, свысока. Какова их основная роль: изучать Тору и помогать людям, верно?

– Да, Акива, так и есть, – подтвердил Шэтия.

– А что происходит на самом деле? Они думают, что выше всех, и совсем потеряли связь с простым народом. Они любез-

ны только с теми, у кого есть деньги, а над такими, как я, сме-

ются и относятся к нам с пренебрежением.

– Ученики ешив тоже разные бывают, – не согласился Шэтия, – мало ли что про них рассказывают. Тебе стоит с ними познакомиться лично.

– Досточтимый Шэтия, за свою жизнь я успел с ними достаточно познакомиться, и те ученики ешив, кого я видел,

вели

себя ужасным образом. Как только они слышали, что я негра-

мотный, что не умею писать и читать, они начинали насме-

хаться надо мной, вместо того чтобы предложить помощь. Они

издевались надо мной прилюдно, когда видели торгующим хво-

ростом на рынке, а другие ученики ешив, вместо того чтобы за-

ступиться, остановить их, только смеялись. В те моменты мне

было так стыдно, что я краснел и мне хотелось провалиться

сквозь землю в ту же секунду, но я опускал голову и продолжал

работать дальше. Вот поэтому, когда я вижу их на улице, мне

хочется отомстить им, укусив их так сильно, как кусает осел.

Госпожа Охелия внимательно слушала откровения Акивы.

– Акива, если ты их так не любишь, зачем тебе их кусать, и если даже кусать, почему ты хотел покусать их, как осел, а не

как собака? – решил смягчить разговор шуткой Шэтия.
– Когда собака кусает человека, она не повреждает его
кость. А осел кусает так, что кость ломается. Теперь вы
пред-

ставляете, как я их ненавижу?

– Ненависть – это плохо, – посерьезнел Шэтия. – Именно
из-за ненависти между евреями и был разрушен Вто-
рой храм.

– Согласен, что ненависть – это плохо. А разве насме-
хаться над людьми – хорошо? Разве хорошо унижать лю-
дей

на глазах у других?

Госпожа Охелия только молча качала головой, сокруша-
ясь об услышанном. До нее и раньше доходили вести о
непри-

стойном поведении учеников ешив, но никогда не могла
она и

подумать, что это правда и все так ужасно. Она верила
расска-

зу Акивы, который говорил от всего сердца, высказывая
все,

что наболело.

– Разве им позволено с пренебрежением относиться к та-
ким простым людям, как я? Разве они имеют право сме-
яться

над тем, что я не умею читать и писать? – продолжал Аки-

ва.

– Нет, Акива. – Шэтия по-отечески дотронулся до плеча гостя. – Конечно, они не имеют права, они должны помогать всем – и богатым, и бедным – относиться с уважением ко всем, невзирая на достаток. Видимо, тебе попадались стран-

ные ученики ешив, – после небольшой паузы закончил Шэтия.

– Таких учеников ешив очень много. Если не верите, можете спросить у других простых рабочих. – Акиву уже было не остановить. – Может, с вами и другими уважаемыми людьми они ведут себя иначе, но с простым народом они не церемонятся.

Они считают себя выше нас, а сами не работают, не воюют и вообще не делают ничего полезного. Я, в отличие от них, всегда сам зарабатываю себе на хлеб, а они живут на пожертвования таких людей, как Кальба Савуа, и вместо того чтобы выполнять свои обязанности, думают лишь о том, как бы

раз-

богатеть и окружить себя роскошью.

Акива был в гневе.

– Мне неприятно их общество и их взгляды. Возможно, если бы они относились ко мне по-другому, я бы находил

вре-

мя для учебы, но я разочаровался и в религии, и в этих

уче-

ных мужах.

– Акива, уверяю тебя, по большей части они порядочные люди и занимаются очень важным делом – изучением

Свя-

щенного Писания, – пытался переубедить гостя Шэтия, но это было не так-то просто.

Акива продолжал обличать:

– Они изучают Священное Писание с самого детства, и что ты, мой добрый господин, хочешь сказать, что Свя-

щенное

Писание учит их унижать, оскорблять, лгать и насмехаться?

Я не просветленный науками человек, но никогда не обману

другого, не обижу словом и не пройду мимо человека, которого-

рый нуждается в помощи, невзирая на то, беден он или богат.

Случалось, когда после тяжелого рабочего дня мне удавалось заработать всего одну монету, я делился и ею, видя на улице пожилого бедняка, так как знаю, что у меня сильный организм и я смогу прожить, не поужинав один день, а что будет с ним, если он сегодня не поест, мне неизвестно. Зато сколько раз мне доводилось наблюдать картину, когда ученики ешив с полными сумками и гордо поднятой головой проходили мимо нищих и не делились с ними даже яблоком.

«Да, – подумал Шэтия, – может, Акива и прав и они плохо относятся к простому народу. Может, со мной и другими состоятельными людьми они ведут себя иначе, а над такими, как он, насмеются и издеваются. Теперь я понимаю, сколько унижений пришлось перенести ему и тысячам таких, как он. Кто после унижений и оскорблений захочет пойти

учить-

ся грамоте?»»

Акива, не обращая внимания на пребывающих в замешательстве супругов, продолжал свою речь:

– Такие люди должны подавать пример смирения, скромности, взаимного уважения, а не делить людей на богатых

и

бедных, грамотных и неграмотных. Вот поэтому я нена-

видел

всех религиозных людей, но после встречи с вами моя

жизнь

сильно изменилась, я многому научился и многое понял.

Пре-

жде я никогда не встречал таких людей, как ты и Кальба

Са-

вуа. Вы с уважением относитесь к простым людям и стараетесь помочь каждому, вне зависимости от его положения.

Ты, увидев меня на улице, предложил мне еду и ночлег,

ни-

чего не ожидая взамен, и я понял: не все так плохо, оста-

лись

и порядочные люди. Извините меня. Во мне накопилось

мно-

го чувств и мыслей, а поделиться не с кем, – закончил

Акива.

Шэтия, немного подумав, сказал:

– Таких, как мы, в Иудее немало. Ученики ешив, с которыми я общался в Иерусалиме и других городах, говорили, что

всегда рады гостям. И я уверен, что многие, следующие зако-

нам Торы и нашего праотца Авраама, сделали бы то же самое

и с радостью предложили бы тебе ночлег.

Но Акива вновь возразил своему благодетелю:

– Говорить и делать – разные вещи. Я стараюсь почерпнуть знания из всего, что вижу и слышу, и ваше гостеприим-

ство помогло мне понять, что люди должны своими поступка-

ми, а не словами показывать пример другим. И когда богатые

и бедные будут поступать по совести, то народ Иудеи и в са-

мом деле станет сильным и сплоченным.

После трапезы Шэтия произносил благословение после еды,

и Акива в этот раз все повторял за ним. По окончании шаббата

Акива, как обычно, направился в дом Кальбы Савуа. Он уже за-

был горячую беседу об учениках ешив, все его мысли были заня-

ты Рахель. Старый Шэтия и госпожа Охелия долго оставались под

впечатлением от рассказа Акивы. Они распознали в неграмотном

пастухе мудрого и чистого сердцем и помыслами человека.

* * *

Дни сменяли один другой, но Акиве жизнь без встреч с Рахель

казалась однообразной. В один чудесный весенний день, когда-

да Акива по обыкновению пас овец и смотрел на реку, раздал-

ся приятный женский голос:

– О чем ты задумался, Акива?

Обернувшись, Акива увидел Рахель, как всегда прекрасную. Ее длинные волосы переливались на солнце, а глаза...

Акива слегка замешкался. Он смотрел на Рахель, как будто

впервые видел ее, и не мог произнести ни слова.

– Акива, что с тобой? Ты снова разучился говорить? – весело, как пташка, прощебетала Рахель.

– Нет, я задумался. С самого утра смотрю, как течет вода,

и

думаю о жизни. – Речь наконец-то вернулась к Акиве.

– Я тоже могу часами смотреть на воду и костер, это успокаивает, – подхватила разговор девушка.

– Ты в прошлый раз спешила подготовиться к шаббату,

как

все прошло? – Акива старался справиться с волнением.

– Шаббат прошел замечательно, было очень весело! Как обычно, у нас гостило много родственников и друзей, они разъехались по домам только вчера вечером, после исхода шаббата. Я помогала работницам прибираться до полуночи,

чи,

а затем, почитав перед сном молитвы в своей комнате, уснула

и спала сладко-сладко! – Рахель кружилась, подняв грациоз-

но руки, и ее смех звенел, как колокольчик.

Акива не мог оторвать от нее взгляд.

– Рахель, ты еще молодая и должна себя беречь.

Рахель перестала кружиться и теперь дышала немного глубже и чаще. Акива как будто чувствовал ее дыхание.

– Когда много гостей, ты уже не думаешь о том, как себя сберечь, а думаешь лишь о том, как побыстрее все закон-

чить

и пойти спать. Вот и вчера я так устала, что сегодня

просну-

лась только в полдень. Но я не забыла прочитать молитву, по-

завтракала и решила погулять, – ответила Рахель и привет-

ливо улыбнулась.

– Какие молитвы ты читаешь перед сном и утром?

– Перед сном я благодарю милосердного Творца за прошедший день, за то, что я его прожила, а утром – за то, что я

проснулась, а затем читаю утренние благословения.

Такой ответ был для Акивы откровением.

– Все люди просыпаются утром, разве за это нужно благодарить?

– Да, Акива, мы должны быть признательными и благодарить Творца за все, что Он делает для нас. Мы привыкли, что

просыпаемся по утрам, что солнце всходит и заходит, что день

сменяет ночь, что деревья дают плоды, но мы должны помни-

мать, что это все чудо. Все, что происходит в нашем мире, и

весь мир существует только по милости Творца.

– О чем еще говорится в молитвах? – Как ново и удивительно было все, что говорила Рахель, и Акива не пере-

ставал

удивляться.

– Если бы ты умел читать, я бы принесла тебе молитвослов,

чтобы ты изучил его. Я бы дала тебе и другие книги.

– Мне уже поздно учиться читать и поздно становиться на путь истины, которую открывает Творец. – Акива помолчал

и неожиданно с горькой усмешкой добавил: – Ответь мне, по-

жалуйста, за что? За что мне благодарить Творца? За то, что

в тридцать пять лет не умею ни писать, ни читать?

Рахель смутилась и ничего не ответила.

– У тебя есть все, ты молодая, красивая, богатая, умная, тебе есть за что благодарить Творца, а мне, у которого ничего

нет, даже дома нет, за что мне благодарить Творца, ответь мне,

Рахель? – все более распалялся Акива.

– В этом мире есть много чего, за что ты можешь быть благодарным, научись находить доброе во всем. К примеру, ты

можешь быть благодарным за то, что видишь это прекрасное

солнце, за то, что слышишь шум реки и трепет листьев на де-
ревьях, за то, что можешь ходить. Да много за что. За то, что
у тебя есть работа, за то, что есть крыша над головой. За то,
что ты заботливый, внимательный и мудрый. Видишь, сколько
всего, – как ребенку, ласково внушала ему Рахель.
– Ты называешь меня мудрым, – усмехнулся Акива. — Ты же меня совсем не знаешь!
– Необязательно много лет знать человека, чтобы понять, мудр ли он. Есть люди, которые много читают и с умным ви-
дом рассуждают на разные темы, но даже при большом желании их нельзя назвать мудрыми. Но есть и такие, кто, воз-
можно, и неграмотен, но их мудрость видна на расстоянии.
Мудрость – это дар Творца. Она или есть, или ее нет. Акива, если бы ты смог учиться, из тебя получился бы хороший
раввин.
– Рахель, мне скоро уже сорок лет, а в школах дети учатся с самого детства. – Акива смягчился и уже не сердился. Рахель стояла на своем:

– Учиться никогда не поздно.

Девушка бросила взгляд на солнце, уже садившееся за реку.

Пора было прощаться.

– Завтра ты придешь? – В голосе Акивы звучали одновременно надежда и отчаяние.

– Пока не знаю. Акива, постарайся открыть новую страницу в своей жизни и подумать над моими словами об учебе.

Уверена, у тебя все еще впереди. Постарайся помолиться перед сном,

– убегая, посоветовала Рахель.

– Я же не знаю молитвы! – вдогонку ей крикнул Акива.

– Ты просто произноси слова благодарности и говори о том, что у тебя на душе, – уже издалека раздался звонкий девичий голос.

После ухода Рахель Акива еще долго сидел у реки и размышлял над ее словами. И перед сном он продолжал думать

о разговоре с Рахель. Поблагодарив Творца за прошедший день, за то, что у него есть работа и крыша над головой, Аки-

ва крепко уснул.

* * *

Утром Акива снова выгнал овец к реке, мечтая только об од-
ном – чтобы снова увидаться с Рахель. Он снова и снова ло-
вил себя на мысли, что не сможет дальше жить, не видя ее. Он

уже не боялся лишиться работы.
Когда вдалеке послышались шаги, Акива повернул голову и увидел долгожданный силуэт. Девушка подошла и тихо про-

изнесла, как в прошлый раз:

– Мир тебе, Акива!

– Мир тебе, Рахель! – затаив дыхание, ответил Акива.

– Совершил ли ты вчера молитву перед сном? – поинтересовалась девушка.

– Перед сном – да, но утром я забыл это сделать, – как бы извиняясь, пастух развел руками.

Рахель осталась довольна.

– Это тоже хорошее начало. Научись благодарить за все милосердного Творца.

– Почему ты постоянно повторяешь «милосердного»?

– спросил Акива.

– Потому что Создатель милосерден к Своим созданиям.

– Рахель, если Он милосерден, почему тогда Он позволил римлянам разрушить Второй храм? – задал Акива непро-

стой
вопрос.

– Римляне только инструмент в Его руках, это не они разрушили Храм, это мы своими поступками разрушили Храм.

А римляне просто исполнили приговор Творца. Первый храм,

храм царя Шломо, – продолжала Рахель свой рассказ, – был

разрушен в наказание за три греха: кровопролитие, идолопо-

клонство и отступление евреев от законов, данных им Богом*.

Сейчас, когда нет ни идолопоклонства, ни кровопролития, му-

дрецы приходят к мысли, что у разрушения были и духовные

причины. Они склоняются к тому, что Второй храм был раз-

рушен из-за беспричинной ненависти. Наверное, Ему, милос-

сердному, не понравилось, как мы относимся к ближним, мы

разучились прощать.

– В чем же это проявлялось? – Акива спрашивал и спрашивал свою добровольную учительницу.

Рахель терпеливо объясняла:

– Это проявлялось практически везде и во всем. Люди переполнили чашу Его безграничного терпения. Незадолго

до

разрушения Храма имел место такой случай. Один состоя-

тельный человек в Иерусалиме устроил у себя пир и пригла-

сил много гостей, в том числе и моего отца, но он не смог присутствовать, так как был в отъезде. У хозяина, который

устраивал пир, был близкий друг, его звали Камца, а также

* Талмуд, трактат Йома, 9б.

заклятый враг, которого звали Бар Камца*. Он послал слугу

с приглашением к своему другу Камце, но посыльный перепутал

адрес и доставил приглашение Бар Камце. Бар Камца не

понял, в чем дело, и еще раз переспросил посыльного, ему ли

это приглашение, и посыльный подтвердил.

Решив, что враг желает помириться с ним, Бар Камца, ничего не подозревая, надел дорогие одежды и пришел на

пир

в дом врага. Он занял место среди гостей, как вдруг хозяин

дома его увидел и закричал:

– Что ты тут делаешь, как ты смеешь являться в мой дом без приглашения?

Бар Камца понял, что посыльный ошибся, и произнес:

– Я заплачу за свою порцию, только не позорь меня перед гостями, среди них много уважаемых людей Иерусалима.

Как

я буду смотреть им в глаза?

Хозяин ответил ему отказом. Тогда Бар Камца предложил оплатить половину всех расходов, но хозяин дома снова не

согласился.

– Я готов заплатить за всех! – вскричал Бар Камца. — Только не выставляй меня из дома на глазах у людей!

Но и тогда хозяин дома ответил отказом и настоял, чтобы непрощеный гость покинул его дом. Разгневанный Бар Камца

вынужден был уйти с позором.

– Что же, гости, наблюдая за происходящим, сидели и мол-

чали? – спросил Акива.

– Да, среди них было много уважаемых людей и мудрецов, но они предпочли не вступать в конфликт. И тогда Бар

Кам-ца решил отомстить и хозяину пира, и его гостям, которые не вступились за него. Он пришел к императору и сообщил ему,
* История о Камце и Бар Камце приводится в Вавилонском Талмуде, в трактате Гитин.

что евреи готовят восстание против Римской империи. В до-казательство своих слов он попросил правителя отправить в Храм тельца для жертвоприношения. В дороге Бар Камца на-нес тельцу небольшое увечье, зная о том, что, по законам Торы, животные с таким изъяном не годятся для жертвоприношения.

Во время обсуждения раввины долго спорили, можно ли приносить этого тельца в жертву. Многие понимали, чем грозит отказ принести жертву римлянам, но тем не менее они отказали римскому императору. Император был в ярости и послал

в Иудею армию. Римские войска вторглись в Иерусалим, со-
жгли Храм и разрушили город.
– Даже и не поймешь, кто прав, а кто виноват, – задумался Акива. – Богач, который устраивал пир и поступил с гостем неподобающе? Или мудрецы, которые видели ссору, но
промолчали? Или Бар Камца, который из-за личной обиды на-
вел гнев на свой народ?
– Да, это сложный случай. Но это, наверное, косвенная причина произошедшего, она четко отображает то отношение людей
к друг другу, которое царило в Иерусалиме. Теперь мы остались
без Храма, многих жителей Иерусалима римляне увели в плен,
и мой отец очень волнуется за будущее нашего города и народа.
Он утверждает, что без сильного лидера нас не будут восприни-
мать всерьез и римляне поработят нас, – сказала Рахель.
– Разве мало мудрых раввинов, которые могут стать лидерами? – засомневался Акива.
– Наш народ сложно объединить. Большая часть раввинов

является лидерами только у горстки своих учеников, но в глазах

других они себя опорочили, и поэтому нет одной мощной силы.

Акива, знаешь, о чем я часто думаю с тех пор, как познако-

милась с тобой? Не знаю, почему, но у меня такое внутреннее

ощущение, что если бы ты был грамотным, то смог бы стать

лидером. Ты бы смог всех объединить! – призналась Рахель.

– Рахель, о чем ты говоришь? Если такие уважаемые люди не

могут объединить народ, что смогу сделать я, простой пастух?

– Слова Рахель прозвучали для Акивы как гром с ясного неба.

– Многие из них больше заняты собой, чем нуждами общины. Акива, я видела, как ты заботлив с овцами, у тебя до-

брое сердце, и думаю, из тебя получился бы отличный лидер,

способный объединить вокруг себя много людей. Почему ты

не хочешь научиться грамоте и Торе? – убеждала Рахель.

– Рахель, разве ты забыла, мне тридцать пять лет, мне
позд-

но учиться, – не соглашался Акива.

– Еще не поздно, – убеждала девушка. – Если ты будешь
много и усердно заниматься, то слова Торы смогут про-
ник-

нуть в твое сердце.

– Рахель, и денег у меня нет, чтобы бросить работу и пой-
ти учиться. Благодарю тебя за теплые слова, обо мне еще
ни-

кто так высоко не отзывался, – грустно сказал Акива.

– Мне пора идти, но знай, Акива, что учиться никогда не
поздно. Мудрецы говорят, что мы должны учиться всегда,
до

самой старости.

Они давно попрощались, но Акива продолжал думать о
Ра-

хель и о словах, сказанных ею в его адрес.

Ежедневно Рахель приходила к реке, и они подолгу обща-
лись и очень подружились. Акива еще никогда не был та-
ким

счастливым: он мог общаться с самой милой и самой луч-
шей

девушкой!

Акива и в этот шаббат направился в дом старого Шэтии,

чтобы провести праздничный день с ним и его супругой. В доме Шэтии позвякивала посуда, это госпожа Охелия убирала со стола после шаббатной трапезы. Шэтия, встрево-

женный молчанием Акивы, спросил:

– Почему ты такой молчаливый сегодня, Акива? Что случилось?

Акива не ответил.

– Акива, мои глаза еще не обманывают меня. Расскажи же,

что случилось.

– Я расскажу, только выслушай меня, господин, и не сердись. Мы с Рахель очень сблизились в последнее время.

Мы

видимся практически каждый день и подолгу беседуем.

Ска-

жи, есть ли у меня хоть крупица надежды стать мужем Рахель,

дочери Кальбы Савуа?

– Не послушался ты моего совета, не держался от нее подальше, – грустно произнес Шэтия. – Теперь жди беды.

Аки-

ва, прошу как старший, забудь о ней, пока не поздно. Так будет

лучше для тебя и для нее. Найди другую женщину, до-

стойную

тебя, и создай семью, зачем ты мучаешь и себя, и молодую де-

вушку? Возможно, ты ошибаешься и принял ее беседы за осо-
бое внимание.

– Господин Шэтия, я уверен, это нечто большее, чем просто беседа. За всю мою жизнь со мной еще никогда такого не

случалось. Я не могу забыть о ней ни на минуту, я везде ищу
ее, в каждом звуке пытаюсь услышать ее голос, – объяснял Акива.

– Кальба Савуа выгонит тебя из имения тотчас, как узнает о твоих чувствах, и ты снова будешь скитаться по Иудее в по-

исках заработка, – увещевал подопечного Шэтия.

– Пусть, мне ничего не страшно. Я хочу быть с ней вместе, и пусть он выгонит меня, я не могу без нее жить, – твер-

дил свое Акива.

«Разговоры бесполезны», – подумал господин Шэтия и тяжело вздохнул.

– Господин Шэтия, ты думаешь, я не понимаю, что она для

меня несбыточная мечта и мы никогда не сможем быть

Вме-

сте? Я все прекрасно понимаю, я даже не вижу дна той пропа-

сти, которая разделяет нас. Я знаю, что шанс быть нам вместе

один на миллион. Да, шанс один на миллион, но он все-таки

есть, – продолжал Акива.

– Раз ты все сам прекрасно понимаешь, то зачем продолжаешь видеться с ней?

– Я пытался прислушаться к твоему совету, но ничего не могу с собой поделать, это сильнее меня. Я не могу описать,

что она для меня значит. Я никогда раньше ничего подобного-

го не испытывал, до встречи с ней я ненавидел эту жизнь и все на свете. Пускай у нас ничего не получится, но я мечтаю

только об одном – чтобы это длилось как можно дольше, так

как даже за минуту, проведенную с ней, я готов отдать свою

жизнь. Я прожил серую жизнь, но теперь мне будет хоть что

вспомнить перед смертью, будет хоть какое-то светлое

воспо-

минание в моей жизни, – грустно произнес Акива.

Шэтии стало жаль Акиву, он видел любовь и уважение,
ко-

торое пастух испытывал к Рахель, и, немного подумав,
произ-
нес:

– Акива, я вижу, что ты уже все для себя решил и никаки-
ми уговорами тебя не остановить, но я прошу тебя, обду-
май

все еще раз.

– Я уже все обдумал и все решил. Если она предначертана
мне судьбой, то мы будем вместе.

– Рахель очень хорошая девушка, может, она и в самом
деле согласится стать твоей женой и вы проживете достой-
ную

жизнь. Знай, Акива, в жизни многое зависит от жены. Ес-
ли ря-

дом с тобой будет мудрая женщина, которая сможет вы-
звать

твое уважение, то и ты будешь стараться стать лучше, что-
бы

не огорчать ее.

– Благодарю за добрые слова, уважаемый Шэтия. Мне они
сейчас необходимы.

– Ох, Акива, не забывай, – вслух сокрушался Шэ-

тия, – ты почти вдвое старше ее и вы совсем разные люди,

разного положения и достатка, подобная связь часто заканчи-

вается трагично.

– Выходит, что простой человек, как я, не достоин быть счастливым и Рахель не может стать женой бедного пастуха?

– Глаза Акивы блеснули. – Но я хочу попытаться: если она моя судьба, то мы будем вместе. А если нет, то я так и проживу

остаток моей жизни в одиночестве, – уныло закончил Акива.

– Акива, Акива, – тяжело вздохнул Шэтия. – Видимо, уже ничего не поделаешь, я с самого начала пытался отговорить и

всячески запугивал тебя, чтобы ты оставил эту затею. Вижу, на-

мерения твои серьезны, и я уважаю их.

Господин Шэтия помолчал и затем уверенно произнес:

– Если бы я был на твоём месте и мне нравилась девушка, знаешь, что бы я сделал? Я бы не стал слушать такого старика,

как я, а пошел бы и поговорил с её отцом.

– Я с тобой согласен, но мне очень страшно, страшно потерять

Рахель. Ты же понимаешь, уважаемый Шэтия, если Кальба Савуа

не даст согласия, то мы с Рахель больше не сможем видеться.

— Я могу сам пойти поговорить с Кальбой Савуа, пусть даже испортятся наши с ним отношения, — предложил старик.

— Нет, это самое главное в моей жизни дело я должен сделать сам, — твердо отказался от помощи Акива.

* * *

Акива вернулся в имение Кальбы Савуа и приступил к своим

обязанностям. Ранним утром он пригнал овец к реке и стал

ждать прихода Рахель. Он оборачивался на каждый шорох, но

Рахель все не было. Уже темнело. Акива в надежде увидеть

любимую захотел задержаться у реки дольше обычного. Но,

прождав еще некоторое время, решил вернуться обратно и по-

гнал скот в загон.

В столовой ужинали рабочие, но Акива направился в свою комнату. Зажег свечу и лег. Его мысли были заняты только

Ра-

хель, и они напрочь вытеснили из его головы мысли о еде.

Он

не чувствовал никаких признаков голода, несмотря на то что

не ел с самого утра. Он задавал себе только один вопрос: по-

чему Рахель сегодня не пришла, – но не мог найти одно-знач-

ного ответа. Акива старательно отгонял от себя грустные мыс-

ли и мечтал только о новой встрече с ней. В его мечтах они,

взявшись за руки, прогуливались вдоль реки, беседуя на раз-

ные темы. И когда солнце начинало свой путь назад, они, уса-

живаясь на высоком камне, наблюдали за прекрасным закатом.

В его фантазиях они молча смотрели, как солнце плавно уто-

пает в реке, а облака медленно движутся вдаль. Вокруг стояла

упоительная тишина, и только шум листвы и пение птиц из-

редка нарушали ее.

Стук в дверь прервал мечты Акивы. Он медленно встал, чтобы открыть. В дверях стоял Эзра.

– Мир тебе, Акива, почему ты не пришел ужинать? – спросил управляющий.

– Я немного устал и решил отдохнуть, – ответил пастух, несколько удивленный приходом Эзры.

– Я обеспокоился, не заболел ли ты, и принес тебе ужин. Поешь, – и Эзра протянул работнику тарелку.

Акива поблагодарил за заботу и поставил поданную тарел-

ку с едой на стол.

Эзра ушел. Акива, не притронувшись к ужину, снова прилег, продолжая думать о Рахель и мечтать о новой встрече.

Он

хотел заснуть поскорее, чтобы наступил новый день, который

обязательно принесет ему встречу с любимой Рахель.

Но и на следующий день надежды не оправдались, и Акива

вернулся к себе, так и не повидав Рахель. Он метался по комна-

те, не находя себе места, перебирая в голове разные варианты

происходящего. Так и не сомкнув глаз до самого утра, пастух

вышел из комнаты и пошел к загону.

Гремел гром, и небо было затянуто темными тучами. С самого утра лил проливной дождь. Но, несмотря на это,

Аки-

ва снова вывел стадо к реке и с нетерпением ждал появления

Рахель. Прождав несколько часов и поняв, что дождь толь-

ко набирает силу и от раскатов грома стадо может разбежаться-

ся в разные стороны, Акива был вынужден загнать овец в за-

гон раньше обычного и возвратиться в свое жилище. Ужин

и в этот раз не прельстил Акиву. Мысли сменяли одна дру-

гую, становясь грустнее и грустнее. «Неужели я потерял ее, и

она будет принадлежать другому? – думал Акива, и скупые

слезы готовы были заблестеть росинками на его ресницах.

Если я ее больше не увижу, то не смогу жить».

Акива отгонял от себя навязчивые мысли о расставании с Ра-

хель. «Она не пришла на пастбище, как приходила рань-

ше, мо-

жет, причиной всему этот непрекращающийся дождь», –
уте-

шал он себя.

«Да, точно! Сегодня из-за дождя мне пришлось и овец
загнать пораньше», – подумал Акива и немного успоко-
ился.

«Вдруг Рахель все же решила прийти, несмотря на ненаст-
ную погоду? – посетила Акиву мысль. – Она ждет меня
там,

а я, дурак, сижу здесь, в тепле. Немедленно побегу к реке,
Ра-

хель, наверное, вся промокла и замерзла».

Акива, ничего не накинув, как был – в тонкой рубашке и
холщовых штанах – выбежал из комнаты и ринулся к реке.

На улице было темно, и проливной дождь хлестал Акиву
по

лицу. Он бежал по мокрой, скользкой дороге, падал, но
вста-

вал и продолжал бежать. Его одежда испачкалась в грязи,
но

он не обращал на это внимания и торопился к реке... Под-
бе-

жав к беседке и не встретив там Рахель, Акива понял, что
ее

сегодня здесь не было, и почувствовал горькое разочаро-

вание.

Акива предположил самое для него страшное: Рахель уже от-
ветила согласием на предложение одного из учеников
ешив, и
они уже вместе празднуют это событие. Грустные мысли
ов-
ладевали им все с большей силой. Он был на грани отча-
яния,
мысль, что она уже принадлежит другому и он ее больше
не
увидит, разбивала его сердце.
Он мок под дождем, но долго не сводил взгляда с пустую-
ющей беседки в призрачной надежде, что Рахель вот-вот
поя-
вится. Он ждал и не терял надежды, но, осознав, что Ра-
хель
не придет, впал в безумное отчаяние, и слезы соленым ру-
чьем
потекли по его щекам. Непрекращающийся дождь смывал
их
с лица взрослого мужчины, но они лились с еще большей
силой.
Акива, который в последний раз плакал в раннем детстве,
ниче-

го не мог с собой поделатъ. Слезы текли все сильнее и сильнее.

– Ты что плачешь? – упав коленями в грязь и подняв руки к небу, обратился Акива к дождю. – Ты же не любишь, как я. Ты

даже не представляешь, какая она девушка и что такое прожить

день, не видя ее. Сколько дурных мыслей посещают мою глупую

голову, и я ничего не могу с этим поделатъ. Почему мы не виде-

лись сегодня? Может, из-за тебя она сегодня не пришла? Может,

ты всему виной? Почему ты льешь и льешь? Почему ты хочешь

нас разлучить? Разве ты не видишь, как я страдаю, разве ты не

понимаешь, что я умру без нее? Она – это все, что есть у меня

в этой жизни, она моя последняя надежда обрести счастье.

Акива сделал несколько глубоких вдохов и снова заговорил:

– Дождь, ты когда-то сделал мне самый большой подарок в жизни – подарил встречу с Рахель. Ты и в тот незабвенный

день лил не переставая, и мы с Рахель встретились в беседе,

которая сейчас передо мной. Этот день был самым счастливым

в моей жизни, но теперь ты разлучил нас... До встречи с Рахель

я жил как слепец, который ничего не видит и не знает радостей

этого мира. Но после встречи с ней я прозрел. Я наконец-то

понял, что жизнь бывает и прекрасной, понял, что существует

такой человек, ради которого я готов расстаться с этой жизнью.

Теперь ты снова хочешь лишить меня зрения? Зачем ты пока-

зал мне свет, а теперь хочешь ослепить меня? Лучше бы я на-

всегда остался слепым и никогда не видел ее.

Знаешь, если человек с детства лишен зрения и не имеет никакого представления о видимом мире, ему легче жить. Но

если когда-то он имел зрение и мог любоваться всеми красками

ми мира, но потом ослеп, то ему нестерпимо больно.

Акива затих и, припоминая голос Рахель, пробормотал:
– Она называла меня по имени, и из ее уст оно звучало
сладкой музыкой. А теперь по твоей вине я не только не
слы-

шу ее, даже не вижу...

Набрав в легкие как можно больше воздуха, Акива,
несмо-

тря на сильный дождь, устремил взгляд в небо и крикнул
изо

всех сил:

– Дooooooooждь! Как я тебя ненавижу! И весь мир ненави-
жу! – Акива криком разрывал себе грудь, но дождь заглу-
шал

его слова. – Разве мне совсем отказано в праве быть счаст-
ли-

вым? Разве я виноват в том, что беден и должен зараба-
тывать

себе на жизнь тяжелым трудом? Я понял, ты плачешь из-
за

того, что мы оба раньше были одиноки и несчастны, но
теперь

у меня есть Рахель, моя Рахель, и я самый счастливый че-
ло-

век на свете. Ты мне просто завидуешь, тебя никто не лю-
бит,

как только ты появляешься, люди скрываются от тебя в

своих

домах, а меня наконец-то кто-то полюбил, и тебе не удастся

все испортить! Знаю, ты тоже думаешь, что я простой пастух

и принял ее вежливые беседы за внимание к себе, а страда-

ние – за любовь. Да, может, оно и так, может, я все выдумал.

Но я больше не могу ждать и терпеть неизвестность, я сейчас же пойду к Кальбе Савуа и поговорю с ним, и будь что будет.

Может быть, он поймет меня и согласится отдать за меня

Рахель, а если нет – я готов расстаться с жизнью... Мне не нужен мир без нее.

Акива поднялся и как был – в грязном одеянии – решительно направился к дому Кальбы Савуа. Он вытирал слезы

рукой и мысленно складывал слова, которые скажет отцу Ра-

хель. Слезы не переставали течь по его щекам, и он смахивал

их облепленной глиной ладонью. «Откуда они берутся, про-

клятые слезы, я же с самого детства не плакал, – думал Аки-

ва, – наверное, после встречи с Рахель моя душа отогрелась

и в ней проснулось все, что спало так много лет».

Подойдя к дому, пастух увидел, как преклонных лет слуга запирает двери дома на ночь. Акива обратился к нему с прось-

бой провести его в дом для встречи с Кальбой Савуа. Слу-

га, увидев Акиву в таком неприглядном виде, попытался выяс-

нить, что произошло, но Акива настаивал, чтобы тот про-

вел его в дом. Рахель, чьи окна выходили во двор, услышала спор

двух мужчин и выглянула в окно.

Она увидела, что старый слуга не пускал Акиву в дом. Рахель быстро оделась и спустилась вниз.

– Что случилось? – обратилась она к слуге.

– Пастух Акива хочет говорить с твоим отцом, госпожа.

Я ему говорю, что сейчас неподходящее время и Кальба Савуа

отдыхает, – объяснил растерянный слуга.

– Иди в дом, я сама с ним поговорю, – приказала Рахель.

Рахель подошла к измазанному грязью и дрожащему от

хо-

лода Акиве. Вода стекала с его одежд, а из глаз все еще текли

слезы, но это уже были слезы счастья, а не печали.

– Акива, – Рахель с тревогой взглянула в его лицо, – что произошло? Почему ты хочешь видеть моего отца, тебя кто-

то обидел?

– Нет, – смиренно ответил Акива, низко опустив голову, чтобы Рахель не видела его слез.

– Ты весь промок, ты же заболеешь... Подожди, я принесу тебе теплые вещи, – произнесла Рахель.

Акива, не обращая внимания на слова девушки, задал самый главный для него вопрос:

– Рахель, мы не виделись три дня, и я очень волновался, думал, что с тобой что-то случилось. Почему ты не пришла

к реке, я тебя чем-то обидел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.